

Оригинальная статья

УДК 343.195"18"

DOI: 10.61205/S160565900030682-4

Суд присяжных в Российской империи: осмысление первого опыта в период контрреформ 1880—1890-х гг. (к 160-летию судебной реформы)

Галина Алексеевна Жолобова¹, Данил Вильданович Курамшин²

¹Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия, galina-zholobova@mail.ru

²ООО «Атом», Оренбург, Россия, danilkyramshin123456789@mail.ru

Аннотация. Первые результаты судебной реформы 1864 г. в Российской империи представлены через призму оценок деятельности суда присяжных заседателей, высказанных юристами по итогам первого опыта его участия в отправлении правосудия. В статье показано, как на смену восторженным оценкам первых лет работы суда присяжных постепенно приходили критические, а порой и резко отрицательные отзывы, распространявшиеся по мере реализации судебной реформы и на этапе начавшейся корректировки судостроительства и судопроизводства в 1880—1890-е гг. Проанализированы исторические, правовые и социокультурные аспекты созданного в России института. Рассмотрены проблемы формирования состава присяжных заседателей, законодательного определения их образовательного и имущественного цензов. Особое внимание уделено изменениям, направленным на ограничение первоначально установленной в 1864 г. компетенции суда присяжных. Выявлены причины и мотивы производимых ограничений.

Сделан вывод, что в период контрреформ конца XIX в. суд присяжных был серьезно ограничен в угоду политической конъюнктуре, хотя продолжал успешно действовать, обеспечивая правосудие. Специфика ограничений заключалась в определенном дуализме мотивации государственного аппарата. С одной стороны, в условиях противодействия нараставшей революционно-террористической угрозе власть была вынуждена перейти к закономерному ужесточению режима, в связи с чем намеренно и последовательно отстраняла присяжных заседателей от участия в правосудии по политическим делам. С другой стороны, изменения стали закономерной реакцией на выявленные в ходе реализации судебной реформы 1864 г. недостатки нового суда и были направлены на его модернизацию с целью повышения эффективности его работы. Оба эти вектора существовали и реализовывались одновременно по мере выявления проблем в российском законодательстве и его реализации, и государство старалось решить их доступными способами.

Ключевые слова: суд присяжных, судебная реформа, контрреформа, старшина присяжных, оправдательный вердикт, юрисдикция присяжных, законодательство, политические преступления, государственное обвинение, отвод присяжных заседателей, судебная система, оценки суда присяжных

Для цитирования. Жолобова Г. А., Курамшин Д. В. Суд присяжных в Российской империи: осмысление первого опыта в период контрреформ 1880—1890-х гг. (к 160-летию судебной реформы) // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 12. С. 17—29. DOI: 10.61205/S160565900030682-4

Original article

Jury Trial in the Russian Empire: Understanding the First Experience During the Counter-Reform Period of the 1880s—1890s (to the 160th Anniversary of the Judicial Reform)

Galina A. Zholobova¹, Danil V. Kuramshin²

¹Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg, Russia, galina-zholobova@mail.ru

²Atom LLC, Orenburg, Russia, danilkyramshin123456789@mail.ru

Abstract. The first results of the judicial reform of 1864 in the Russian Empire are presented through the prism of assessments of the activities of the jury, expressed by lawyers based on the results of the first experience of its participation in the administration of justice. The article shows how the enthusiastic assessments of the first years of the jury trial were gradually replaced by critical and sometimes sharply negative reviews, which spread as the judicial reform was implemented and at the stage of the beginning of the adjustment of the judicial system and judicial proceedings in the 1880s—1890s. The historical, legal and socio-cultural aspects of the institute established in Russia are analyzed. The problems of forming the composition of jurors, the legislative definition of their educational and property qualifications are considered. Special attention is paid to the changes aimed at limiting the jurisdiction of the jury, originally established in 1864. The reasons and motives of the restrictions are revealed.

It is concluded that during the counter-reform period of the late 19th century, the jury trial was seriously limited in favor of the political conjuncture, although it continued to operate successfully, ensuring justice. The specifics of the restrictions lay in a certain dualism of motivation of the state apparatus. On the one hand, in the context of countering the growing revolutionary and terrorist threat, the government was forced to move to a natural tightening of the regime, and therefore deliberately and consistently eliminated jurors from participating in justice in political cases. On the other hand, the changes were a natural reaction to the shortcomings of the new court identified during the implementation of the judicial reform of 1864 and were aimed at modernizing it in order to increase the efficiency of its work. Both of these vectors existed and were implemented simultaneously as problems were identified in Russian legislation and its implementation, and the state tried to solve them in accessible ways.

Keywords: jury trial, judiciary reform, counter-reform, jury foreman, acquittal, jurisdiction of jury, legislation, political crimes, public prosecution, object to jurors, judicial system, jury evaluations

For citation. Zholobova G. A., Kuramshin D. V. Jury Trial in the Russian Empire: Understanding the First Experience During the Counter-Reform Period of the 1880s—1890s (to the 160th Anniversary of the Judicial Reform). *Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 12, pp. 17—29. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900030682-4

Суд присяжных — крайне противоречивый и неоднозначный институт судостройства со сложной исторической судьбой. В России он неоднократно подвергался различным изменениям, трансформировался, развивался, ликвидировался и возрождался заново. По прошествии многих лет, имея колоссальный практический опыт работы суда присяжных, юридическое сообщество может более объективно анализировать как плюсы, так и минусы этого института. В настоящий момент активно ведутся дискуссии о необходимости суда присяжных. Некоторые ученые и практики утверждают, что этот «хромающий институт» может отмереть «за ненадобностью», другие — напротив, готовы отстаивать модель «народного суда», ссылаясь на его очевидные преимущества, включающие проявления «имитационного правосудия».

Довольно часто отмечается, что суд не может набрать присяжных

для рассмотрения дела, причем некоторые эксперты объясняют проблеме поиска тем, что статус присяжных низкий, а труд плохо оплачивается. Вместе с тем, например, советник Федеральной палаты адвокатов РФ С. А. Насонов, напротив, уверен в отсутствии массового характера данной проблемы: «Никакого срыва работы суда присяжных вследствие неявки кандидатов в присяжные за все время существования этой формы судопроизводства в РФ не существовало. Даже в период пандемии коллегии присяжных формировались и дела рассматривались»¹.

Подобные споры велись и в XIX в., в период реализации и корректировки судебной реформы Александра II. Юристы-практики и правоведы-теоретики рьяно оппонировали

---

¹ Насонов С. А. Неоднозначная критика суда присяжных // Адвокатская газета. 2021. 16 сент.

друг другу, доказывая жизнеспособность или же, напротив, непригодность института суда присяжных для обеспечения истинного правосудия. Для более пристального анализа данной проблемы следует обратиться к оценкам современников и их выводам, касавшимся реализации судебной реформы Александра II, а также к изменениям, последовавшим в рамках перехода к политике контрреформ Александра III, повлекшей и перемены в суде присяжных.

К середине XIX в. Российская империя находилась в серьезном политическом и экономическом кризисе. Государство, «закостеневшее» при Николае I, нуждалось в реформах, и далеко не в последнюю очередь — в сфере правосудия. Известно, что старая судебная система была чрезвычайно громоздкой и сложной, широко были распространены волокита и вымогательство. В условиях разыскного процесса, тайного и письменного судопроизводства господствовавшая система формальных доказательств целиком отдавала подсудимого на произвол судейских чиновников. Необходимость изменений осознавалась всеми слоями российского общества, и в 1864 г. Александром II была начата судебная реформа, одним из важнейших результатов которой стало создание суда присяжных.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. присяжные заседатели рассматривали дела о преступлениях, по которым предусматривалось назначение наказания в виде лишения всех прав состояния или всех особенных прав и преимуществ, по состоянию присвоенных.

Многие современники с восторгом и воодушевлением приветствовали введение суда присяжных, чувствуя его острую необходимость для судебной системы, призванной обеспечить установление материальной истины и торжество справедливости. И первоначально лучшие «умы» империи помогали этой чести —

стать присяжным заседателем. По словам профессора И. Я. Фойницкого, суд присяжных был «палладиумом личной свободы и политической независимости народной, ревностным стражем общественной безопасности, центральным узлом новой судебной системы, ее лучшим украшением и самой твердой ее опорой»².

Действительно, новый суд был невероятно прогрессивным для страны, а главное, вполне своевременным. Он имел важное общегосударственное значение, так как служил одновременно правовой «школой» для населения и «лакмусовой бумажкой» для бюрократии, позволявшей выявлять проблемы в существующем законодательстве, пересматривать устаревшие или неоправданно жесткие законы. Известный юрист А. Ф. Кони, в свою очередь, отмечал, что суд присяжных «не только является вполне удовлетворяющим своей цели, но и вообще представляет собою лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных дел, особенно в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с тонкими уликами, требующими житейской мудрости»³.

Однако вскоре, по мере накопления юридической практики, а также вследствие изменений во внутриполитической обстановке, судебная реформа подверглась серьезной корректировке. Ярче всего это проявилось во второй половине 1880-х гг. Принятые меры усложняли и бюрократизировали судоустройство, существенно ограничивали гласность, институт мировых судей и, конечно

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1912. С. 382.

³ Кони А. Ф. Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с сословными представителями при руководстве совещанием старших председателей и прокуроров судебных палат 29—31 декабря 1894 года // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 4. С. 47—48.

же, институт присяжных. Высшие должностные лица, а также консервативная печать настаивали на том, что новая форма правосудия имеет массу недостатков и нуждается в коренном пересмотре. С критикой выступали даже бывшие либералы, такие как М. Н. Катков, писавший, что при новом суде «власть монарха лишалась части своих верховных прав»⁴.

Были ли объективные проблемы в нововведенном институте? Разумеется, были, ведь в процессе создания принципиально новой юридической системы координат приходилось утверждать и систему новых ценностей и правил, а потому невозможно было сразу сделать идеально работающие механизмы. И многие правоведы, юристы-практики и публицисты, не стесняясь, указывали на очевидные недостатки суда присяжных. Однако стоит разобраться в этих претензиях подробнее, чтобы точно проанализировать ошибки и понять, какие меры могли их исправить и какие из них были в итоге реализованы на практике.

Во-первых, некоторые составы присяжных были неспособны справиться с запутанными и сложными процессами, что порождало элемент случайности в принятых решениях (и здесь часто вспоминают крестьянский состав, далеко не всегда отличавшийся тонкостями понимания женской психологии и важностью защиты женской чести и вместе с тем абсолютно бескомпромиссно относившийся, например, к конокрадам).

Во-вторых, вердикт присяжных заседателей нередко являлся реакцией на эмоциональные выступления стороны защиты, облеченные в форму ораторского искусства, что шло в ущерб тщательному анализу материалов дела самими заседателями.

В-третьих, присяжные часто выносили оправдательные приговоры с целью не допустить жестокого наказания со стороны коронного суда, занимаясь в определенной степени «подпольным воздействием» на судей и выходя за пределы предоставленной им власти⁵; и эта тенденция особенно усиливалась накануне великих христианских праздников, ибо верующие люди стремились следовать заповеди «не судите, да не судимы будете».

Новую форму правосудия все чаще стали упрекать печатные издания консервативного толка. Не желая принимать что-то новое, нарушающее устоявшиеся форматы и традиции, они старались изо всех сил изобличить народный суд, презренно называя его «судом улицы» и «судом толпы». Так, «Вести» писали, что присяжные роняют достоинство полиции и вообще власти, убавляют уважение к администрации, расшатывают основы общественного благочиния и благоустройства. Им также ставили в укор, что они по своей мягкости и снисходительности (возможно, благодаря умению войти в положение человека или не осознавая реального вреда в нарушении неких «формальностей») часто выносили оправдания по делам о должностных нарушениях, избавляя от ответственности мелких канцелярских чиновников.

Кроме того, нестабильность в принятых решениях дала возможность противникам суда говорить о «лотерейности» приговоров, так как бывали случаи, когда по одним и тем же делам разные составы присяжных выносили различные вердикты.

Вторил им и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев: именуя суд присяжных «пестрым смешанным стадом», он говорил об отсутствии сознания долга судьей, подверженности воздействию «по-

⁴ Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897—1898. [2], VI. С. 44.

⁵ См.: Дейтрих В. Ф. О суде присяжных. Вопрос его реорганизации // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 6. С. 83—100.

сторонних влияний» со стороны адвоката, публики, господствующих в обществе предрассудков и даже подкупов и уговоров, «чему были уже, к сожалению, неоднократные примеры»⁶.

К тому же, оправдывая некоторые категории правонарушений, присяжные косвенно способствовали росту политических преступлений в стране. Отражалось это и на общих настроениях народа. Так, у радикальной части общества вызвало неподдельный восторг оправдание Веры Засулич в 1878 г. И хотя вердикт присяжных не столько оправдывал сидящую на скамье подсудимых, сколько обвинял потерпевшего — градоначальника Трепова, который превысил свои полномочия в отношении Боголюбова, тем не менее в российской политической среде это вызвало бурю эмоций, решение суда действительно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Революционно настроенные организации увидели, что власть не оказывает подобным мерам сопротивления, а значит, с ней можно бороться такими методами. По воспоминаниям современника, «торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то ужасном, кошмарическом сне... Никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной империи такое страшное глумление над Государевыми высшими слугами, столь наглое торжество крамолы»⁷.

И естественно, власть не могла оставить это без внимания. Сначала министр юстиции К. И. Пален обвинил председателя суда А. Ф. Кони в нарушении правил судопроизводства и настойчиво убеждал его уйти в отставку. Прославленный юрист остался верен себе и не пошел на

«уступки», за что был переведен в гражданский департамент Судебной палаты. А вот сам граф Пален вскоре был уволен со своего поста «за небрежное ведение дела Засулич». Затем власть начала действовать интенсивнее и радикальнее.

Общая картина, нарисованная властью, выглядела так: кучка неграмотных, некомпетентных граждан, «суд толпы», руководствуясь исключительно своей житейской безграмотностью и недалекостью, оправдывает опасных государственных преступников при содействии лжецов-адвокатов, подрывает основы государственного строя и все это — на потеху публике, собравшейся в зале суда. Разве можно было оставлять подобное положение дел без должных изменений?

Интересно, что юристы, критиковавшие присяжных заседателей, вовсе не призывали отказываться от них или резко ограничивать сферу их деятельности, а напротив — предлагали рациональные решения проблем. Например, В. Ф. Дейтрих, разбирая недостатки нового суда, предлагал пути их устранения. Проблема неспособности присяжных справляться с запутанными делами заключалась, по его мнению, в отсутствии предварительной подготовки. Он считал, что нужно заранее знакомить присяжных с материалами дела, чтобы на процессе им было нужно их только систематизировать. Поиск «подходящего» старшины присяжных могло взять на себя государство, что автоматически ликвидировало бы второй недостаток, описанный автором. А большое количество оправдательных приговоров должно было повлечь не ограничение полномочий присяжных, а их расширение. Ведь, получив больше возможностей для влияния на судьбу обвиняемого, присяжные перестали бы бороться с коронным судом, стараясь спасти человека от репрессивного инструмента государства. Так, присяжные не имеют права ходатайствовать о

⁶ К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / предисл. М. Н. Покровского. Т. 1. Полутом 1. М.; Пг., 1923. С. 118.

⁷ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 404—405.

помиловании, и потому намеренно выносят оправдательный вердикт, даже не имея твердой уверенности в невиновности лица, лишь бы спасти его от жестокости коронного суда. В таком случае нужно было предоставить им это право, наладив таким образом эффективное взаимодействие «двух судов»⁸.

В том же духе высказывались и другие деятели: товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента И. Я. Фойницкий, один из главных разработчиков судебной реформы Д. А. Ровинский и даже А. Ф. Кони, который за свою долгую и успешную карьеру сформировал вполне четкую позицию по данному вопросу. Все они, принимая во внимание недостатки суда присяжных, настаивали на его качественном изменении и поддержке со стороны государства, но никак не на его полной или частичной ликвидации.

Мнения ведущих юристов часто находились в конфронтации деятельности правительства, причем проявляться это стало еще за несколько лет до дела Засулич. Так, в 1872 г. вышло определение первого департамента Правительствующего Сената о воспрещении земствам выдавать денежные пособия крестьянам-присяжным на время их пребывания в городе, поскольку «земская забота должна простирается исключительно на сферу хозяйственных нужд и пользы». Это притом, что нищенство присяжных было распространенным явлением, постоянно привлекавшим к себе внимание общества. Газеты пестрели десятками сообщений о голодающих «судьях совести» и порой называли суд присяжных «судом нищих». А. Ф. Кони писал: «Это формалистическое толкование, неправильное и по существу, ибо на земстве лежат расходы и на народное образование, и на народное здравие, и выдача содержания мировым судьям, оставило присяжных из крестьян на произвол их

бедности и сопряженных с нею лишений и искушений»⁹.

Более серьезные ограничения стали приниматься уже после знаменитого инцидента с оправданием В. Засулич. Временные меры 9 мая 1878 г. изымали из подсудности присяжных ряд преступлений из разд. IV «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Особое значение было придано делам об убийствах или покушениях на убийство должностных лиц, нанесении им телесных повреждений, когда эти преступления были совершены при исполнении ими служебных обязанностей.

После трагедии 1 марта 1881 г., связанной с убийством Александра II народовольцами, взошедший на престол Александр III, осознавая угрозу установленному порядку со стороны революционно настроенных объединений, начал с ними непримиримую борьбу. И многие либеральные преобразования отца стали им постепенно сворачиваться. Вектор всей внутренней политики был четко обозначен уже в начале правления нового государя — в Высочайшем Манифесте от 29 апреля 1881 г.: «Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую»¹⁰.

Именно в правление Александра III суд присяжных претерпел наиболее серьезные изменения.

Закон 12 июня 1884 г.¹¹ касался права отвода и порядка составления списка присяжных заседателей. Понимая невозможность контроли-

⁹ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Высочайший Манифест от 29 апреля 1881 г. // Правительственный вестник. 1881. № 93. С. 1.

¹¹ См.: Высочайше утвержденное 12 июня 1884 г. мнение Государственного совета «Об изменении постановлений о присяжных заседателях» // ПСЗ—III. 1884. Т. IV. № 2314. С. 356—357.

⁸ См.: Дейтрих В. Ф. Указ. соч. С. 100—104.

ровать каждый шаг своих агентов, власть пыталась влиять на формирование составов «суда совести», интегрируя в комиссии, формирующие институт присяжных заседателей, администрацию. В состав уездных комиссий, формирующих общие списки присяжных заседателей, вводились уездный исправник и полицмейстер. Причем эти списки должны были подлежать последующей проверке губернскими комиссиями, формируемыми под председательством губернатора из губернского предводителя дворянства, председателей окружного суда и съезда мировых судей, а также прокурора окружного суда. При составлении списков очередных и запасных присяжных заседателей в западных губерниях к работе уездных комиссий привлекался местный товарищ прокурора окружного суда.

До принятия закона обвиняемый мог отвести максимум 12 присяжных, с его принятием — только трех. Не более трех присяжных заседателей отныне мог отвести и прокурор или частный обвинитель. Это мотивировали тем, что защита часто пользуется подобным правом либо для подбора нужных присяжных, либо для отсрочки заседания. Однако если комиссия, составляющая списки, делает свое дело надлежащим образом, т. е. вносит в список добропорядочных людей, то подобрать нежелательный для интересов правосудия состав невозможно.

Позже, 28 апреля 1887 г.¹², было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении правил составления списков присяжных заседателей». В целях ограничения тенденции уклонения населения от выполнения обязанностей присяжных заседателей закон усилил их ответ-

ственность за неявку на судебные заседания штрафными санкциями от 10 до 200 руб. и лишением «права участвовать в выборах и быть избираемым на должности, требующие общественного доверия»¹³.

Из состава присяжных должны были исключаться все неграмотные, так как вводился образовательный ценз — «умение читать по-русски». Это в первую очередь отразилось на крестьянском элементе суда, в рядах которого к тому же отныне могли быть только главы органов крестьянского и казачьего самоуправления.

Однако некоторые специалисты в конце XIX в. (например, Г. А. Джаншиев) отмечали, что подобное решение едва ли было в интересах правосудия. Справедливый суд присяжных должен был включать в себя людей разного уровня образования и разных сословий, не исключая ни крестьянского, ни мещанского, поскольку они могли вносить в судебный процесс элементы, необходимые для его эффективной работы: знания нравов, обычаев и образа жизни общественной среды, к которой принадлежит подсудимый, простоту здравых суждений и более верное взвешенное соотношение виновности подсудимого, принадлежащего к их сословию, с кругом его понятий.

Был также повышен имущественный ценз, увеличивший в составах присяжных лояльных власти людей. Как отмечал один из первых исследователей судебной реформы 1864 г., очевидец и непосредственный участник реализации ее положений Г. А. Джаншиев, этот ценз вполне мог исключить некоторые категории лиц «непредвзятых» и «независимых» (и оппозиционных), если с данной задачей не справлялся ценз образовательный. Ведь учитель или врач даже в Москве получали не самый высокий доход и часто не могли быть присяжными, соответственно, интеллигентные лица, даже облада-

¹² См.: Высочайше утвержденное 28 апреля 1887 г. мнение Государственного совета «Об изменении правил составления списков присяжных заседателей» // ПСЗ—III. 1887. Т. VII. № 4396. С. 189—193.

¹³ Там же. С. 193.

ющие всеми нужными признаками, в некоторых случаях ставились в один ряд с безграмотным сапожником и отстранялись от судебных дел в роли присяжных¹⁴. Напрашивается вывод, что и эти меры, принятые государством, были направлены на ограничение участия народных масс в правосудии, хотя в отдельных случаях они были объективно необходимы.

Опасения власти по поводу «неграмотных» решений присяжных возникали не на пустом месте. В некоторых случаях так называемая житейская мудрость могла сыграть с правосудием злую шутку. Известно дело о подлоге духовного завещания, в котором присутствовал состав присяжных, состоявший из неграмотных мещан и крестьян. Присяжные не могли понять сущность подлога, совершенного подсудимым, которая заключалась в том, что по просьбе одного из сыновей наследодателя подсудимый подписал духовное завещание от имени завещателя без непосредственной просьбы об этом его самого (так как не был допущен к нему в комнату). Присяжные «из народа» утверждали, что «по нашенскому разуму, что батька, что сын все едино, потому от отца завсегда всякое добро сыну идет»¹⁵. Такого взгляда они придерживались, очевидно, под влиянием своих бытовых воззрений на имущественные и семейные отношения.

Самым резонансным, на наш взгляд, стал Закон от 7 июля 1889 г.¹⁶, который изъял из юрисдикции при-

сяжных обширный круг дел, предусмотренных 37 статьями Уложения о наказаниях. При этом Государственный совет подчеркнул связь таких дел с «политическими преступлениями». С усилением в конце 1870-х гг. деятельности подпольных антиправительственных организаций и увеличением посягательств против должностных лиц, при тенденции суда присяжных к значительному числу оправдательных приговоров, стало невозможным доверять ему такие дела. Из рассмотрения судом общественной совести были изъяты в виде общего правила дела об убийстве и насильственных действиях против должностных лиц, совершенных при исполнении ими служебных обязанностей (ранее законодатель лишь временно изымал эти дела из ведения присяжных). Из его юрисдикции изымались также все статьи, предусматривающие разного рода сопротивления распоряжениям правительства и неповиновения установленным властям (ст. 263—272, 274 Уложения о наказаниях). К этой же группе относились оскорбления присутственных мест и чиновников (ст. 276, 282, 286 Уложения о наказаниях). Сюда же примыкали и преступления, связанные с неповиновением рабочих хозяину или приказчику при частных золотых, серебряных и платиновых промыслах на землях казенных и Кабинета, приравненные ст. 618 Уложения о наказаниях к восстанию против установленных властей.

Также в числе изъятых законом дел одно из важнейших мест занимают дела о совершении «насильственных действий» в отношении должностных лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Согласно новому порядку все чины до 5-го класса включительно за преступления, влекущие лишение всех прав состояния или по состоянию

¹⁴ См.: *Джаншиев Г. А.* Сборник статей: со вступ. ст. акад. А. Ф. Кони и перепиской Г. А. Джаншиева с А. Ф. Кони: с прил. портр. Г. А. Джаншиева / под ред. В. П. Обнинского. М., 1914. С. 153—178.

¹⁵ *Тимофеев Н. П.* Суд присяжных в России: Судебные очерки. М., 1881. С. 172, 176.

¹⁶ См.: Высочайше утвержденное 7 июля 1889 г. мнение Государственного совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяж-

ных заседателей» // ПСЗ—III. 1889. Т. IX. № 6162. С. 386—389.

присвоенных прав и преимуществ, судились в Судебной палате (т. е. без присяжных) с участием трех сословных представителей, а чины выше судились в кассационном департаменте Сената с участием тех же сословных представителей¹⁷.

Вместе с тем не было никаких доказательств того, что присяжные массово выносили оправдательные вердикты именно по таким делам. Интересно, что некоторые преступления, изъятые из юрисдикции присяжных, едва ли встречались на практике с момента существования этого института, например, состав преступления, предусмотренный ст. 1144 Уложения о наказаниях: «повреждение телеграфа с намерением приостановить правительственную корреспонденцию». То есть меры имели по большей части превентивный характер, который основывался на осознании того, что судом «народной совести» по таким делам может нарушаться государственный интерес.

Отметим и некоторые противоречия в позиции властей. По логике законодателя эти ограничения юрисдикции суда присяжных, предусмотренные главным образом по политическим делам и административным преступлениям, должны были способствовать обеспечению государственного порядка. При этом присяжные продолжали разбирать дела куда более серьезного характера: «подлог указов сената», подделку «большой государственной печати», «взлом тюрьмы и насильственное освобождение арестантов», умышленную «порчу железной дороги с намерением причинить крушение поезда».

Прежний порядок был направлен главным образом на то, чтобы защи-

тить «маленького человека». Примечательна история письмоносца Алексеева, которого обвиняли в растрате и недоставлении порученной ему корреспонденции. Присяжные оправдали чистосердечно признавшегося подсудимого, который ссылался на то, что чисто физически не мог выполнить порученную работу. Позже в газете «Голос» (№ 270) появилась статистическая информация о непосильной работе письмоносцев. Так, число доставленных письмоносцами предметов возросло с 1875 по 1878 г. более чем на 6 млн, тогда как число служащих увеличилось всего на 66 человек¹⁸. Вердикт присяжных действительно вносил справедливость в сложившуюся ситуацию, но с принятием нового закона эти дела стали неподсудны обществу.

Данное решение мотивировалось тем, что народная форма правосудия порождала чрезмерно высокий процент оправдательных приговоров, массово освобождая от ответственности нарушителей порядка. Однако, если обратиться к статистике, становится понятно, что это не более, чем пропагандистское клише, сконструированное с целью дискредитации присяжных. Ведь на деле старый суд из 100 подсудимых подвергал наказанию не более 12, а репрессивность нового суда составляла более 60%, что явно шло вразрез с инсинуациями консервативных публицистов¹⁹. Однако суд обществу все равно приходилось ограничивать и регулярно критиковать. Ведь, как писал один из «отцов» судебной реформы 1864 г. Д. А. Ровинский, если бы суду присяжных дали свободу действий, он непременно бы разоблачил все злоупотребления власти²⁰.

¹⁷ См.: Высочайше утвержденное 7 июля 1889 г. мнение Государственного совета «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей» // ПСЗ—III. 1889. Т. IX. № 6162. С. 386—389.

¹⁸ См.: Джаншиев Г. А. Указ. соч. С. 176.

¹⁹ См.: Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6. С. 43.

²⁰ См.: Ровинский Д. А. Устройство уголовного суда // Материалы по судебной ре-

У всех этих мер были свои идеологи и инициаторы. Одним из главных деятелей контрреформ, в том числе судебной, выступал К. П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода. О суде присяжных он в 1885 г. прямо писал Александру III: «От этого учреждения необходимо нам отделаться». Правда, этому совету император не последовал. Однако суд присяжных был до предела стеснен в его компетенции и отдален от дел, которые могли иметь хотя бы только оттенок «политики»²¹. К. П. Победоносцев в своем «магнум опусе» «Великая ложь нашего времени» писал, что «одно из самых лживых политических начал есть начало народо-властия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной»²². Несомненно, являясь ярким представителем охранительной идеологии, он видел в народном суде угрозу для государственного строя. Именно поэтому весь характер реформ Александра III можно характеризовать как антидемократический, что отразилось и на суде присяжных.

Но К. П. Победоносцев был не единственным в этом деле идеологом. Важную роль сыграл министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, считавшийся проводником политической реакции и поборником «сильной» власти. Законодательные меры, подготовленные и проведенные им, были направлены к возвышению дворянства, к регламентации крестьянского быта и к преобразованию местного управления и самоуправления в смысле расширения влияния и контроля администра-

ции. При нем свобода печати была существенно ограничена Временными правилами 1882 г. Потому нет ничего удивительного в том, что печатать так часто ругала суд присяжных, порой занимаясь откровенной клеветой. Ведь консервативные издания в это время расцветали, в то время как либеральные либо закрывались, либо подвергались цензуре, уничтожавшей любой материал, хотя бы немного затрагивающий правительство. После введения новых правил прекратили существование «Московский телеграф», «Страна», «Русский курьер», «Отечественные записки» и уже упоминавшийся выше «Голос».

Первый председатель Совета министров С. Ю. Витте так характеризовал Д. А. Толстого: «Гр. Толстой был крайне правый, и Император Александр III назначил его министром внутренних дел после графа Игнатьева именно потому, что он был ультраконсервативных воззрений... Его преобразованиям, крайне реакционным, Россия в значительной степени была обязана теми волнениями в обратную сторону, которые мы пережили несколько лет тому назад»²³.

Вместе с тем ни в коем случае не стоит демонизировать государственный аппарат и утверждать, будто суд присяжных был превращен в суррогат и вытеснен из судебной системы. В период контрреформ 1880—1890-х гг. он продолжал участвовать даже в резонансных делах. Стоит вспомнить «Люцинское дело», в ходе которого случайных евреев обвиняли в якобы ритуальном убийстве католички Марии Дрич. В ходе данного процесса прокурор даже не сумел сформулировать цель убийства, заявив, что это не имеет отношения к делу²⁴. Проблема заключа-

форме в России 1864 года. Т. 17. СПб., 1857. С. 10.

²¹ См.: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке: курс лекций. М., 1997.

²² *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени // Московский сборник. 1896. С. 43.

²³ *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. 1. М., 1960. С. 298, 302.

²⁴ См.: Люцинское дело по обвинению Лозовых, Гуревича и Маих в убийстве Марии Дрич. Стенографический отчет. СПб., 1885. С. 90.

лась в определенной ортодоксальности и архаичности российского права, которое допускало политику антисемитизма и переносило его в сферу правосудия. Евреев довольно часто обвиняли в ритуальных убийствах и в целом подвергали законодательной дискриминации. Но присяжные в таких случаях выступали механизмом общественной самозащиты от несправедливого давления и ошибок государства. Причем сложилось так, что и в суде присяжных антисемитизм смог пустить свои корни. Ведь согласно установленным правилам в девяти западных губерниях (Киевской, Волынской, Подольской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Минской) специально оговаривалось, что доля евреев среди присяжных не должна превышать их процентного отношения к общей численности населения. Также старшинами присяжных могли быть только христиане, а участие лиц иудейского вероисповедания в делах против веры не допускалось. Из-за этого на практике могла складываться ситуация, когда в присяжные заседатели попадали не наиболее честные и способные, а те, кто подходил по национальности или вере, что не лучшим образом сказывалось на качестве правосудия.

Итак, можно сделать вывод, что в период контрреформ суд присяжных был серьезно ограничен в угоду политической конъюнктуре, хотя продолжал успешно действовать, обеспечивая правосудие.

Специфика ограничений заключалась в определенном дуализме мотивации государственного аппарата. С одной стороны, в условиях противодействия нараставшей революционно-террористической угрозе власть была вынуждена перейти к закономерному ужесточению режима, а потому последовательно и намеренно устраняла присяжных заседателей от участия в правосудии по политическим делам. С другой стороны, изменения стали закономерной реакцией на выявленные в

ходе реализации судебной реформы 1864 г. недостатки нового суда и были направлены на его модернизацию с целью повышения эффективности его работы. Оба этих вектора существовали и реализовывались одновременно, по мере выявления проблем в российском законодательстве и судопроизводстве, и государство старалось решить их доступными способами, не делая ставку на их демократичность.

Вместе с тем, осознавая неготовность народа к кардинальным переменам, власть решала свои задачи с явным оттенком прагматизма. Ярче всего это можно увидеть на примере введения цензов для присяжных заседателей. Понимая, что вчерашние крепостные ввиду неграмотности и отсутствия должной подготовки не готовы в полной мере взять на себя ответственную роль судейства, государство стало перекрывать им доступ к той сфере деятельности, где наметилась их ненадежность в защите государственного интереса. Конечно, можно было, как советовала интеллигенция, сделать ставку на заботах о повышении уровня правовой культуры населения, но на это требовалось немало времени и материальных ресурсов. В условиях же усиления «охранительного режима», сопряженного с подавлением инакомыслия (особенно, учитывая события 1881 г.), а также сохранения сословного строя общества намного проще и надежнее для власти было решать эти задачи более «коротким путем» — путем административных запретов и ограничений.

Примем во внимание и мировоззрение правящих кругов. Если Александр II был человеком довольно либеральных взглядов, то Александр III и его ближайшее окружение к этим идеям относились с явным опасением и неприятием. Разумеется, их убеждения плавно переходили в правовое поле. Поэтому был принят циркуляр о «кухаркиных детях», закрывавший детям из бедных семей дорогу к гим-

назиям, и ограничивали автономию университетов и развитие женского образования. Ограничивались земства, средства массовой информации и проч. Однозначно, при таких условиях сужение полномочий присяжных заседателей было закономерным процессом.

Довольно метко о характере преобразований в судебной системе высказывался И. В. Гессен: «Полумеры никогда не ведут к цели: они почти всегда губительны; нужно разом все пересоздать. Ибо, если прежний порядок нехорош, то следует его уничтожить совсем, а не отчасти — не мешать нового со старым»²⁵. Он же акцентировал внимание на факте дисгармонии между правительством и обществом: правительство развивалось само в себе и только для себя самого, в то время как общество находилось

в омертвлении и не признавало интересы государства за свои собственные.

Конечно, идти по пути радикальных преобразований консервативная российская элита, нацеленная на укрепление самодержавия, не желала. Вместе с тем она не преследовала и цели уничтожить все прогрессивные достижения эпохи «Великих реформ». Внутриполитическая обстановка сложилась так, что власть была вынуждена лавировать между сохранением жесткой государственной дисциплины и обеспечением успешного функционирования нововведенных институтов, таких как суд присяжных. Но в результате накопившихся проблем и противоречий, несмотря на многочисленные дискуссии в научной и практической юридической сфере, явный запрос общества, этот институт на закате Российской империи оказался в глубоком кризисе, равно как и само государство.

²⁵ Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1904. С. 82.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1. М., 1960.
2. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1904.
3. Дейтрих В. Ф. О суде присяжных. Вопрос его реорганизации // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 6.
4. Джаншиев Г. А. Сборник статей: со вступ. ст. акад. А. Ф. Кони и перепиской Г. А. Джаншиева с А. Ф. Кони: с прил. портр. Г. А. Джаншиева / под ред. В. П. Обнинского. М., 1914.
5. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки / предисл. М. Н. Покровского. Т. 1. Полумом 1. М.; Пг., 1923.
6. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897—1898. [2], VI.
7. Кони А. Ф. Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с словными представителями при руководстве совещанием старших председателей и прокуроров судебных палат 29—31 декабря 1894 года // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 4.
8. Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2.
9. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени // Московский сборник. 1896.
10. Ровинский Д. А. Устройство уголовного суда // Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 17. СПб., 1857.
11. Тимофеев Н. П. Суд присяжных в России: Судебные очерки. М., 1881.
12. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: курс лекций. М., 1997.
13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1912.
14. Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6.

References

1. Vitte S. Yu. *Memories*. Vol. 1. Moscow, 1960. 555 p. (In Russ.)
2. Gessen I. V. *Judicial reform*. St. Petersburg, 1904. 267 p. (In Russ.)
3. Deytrikh V. F. Jury trial. Its reorganisation issue. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1895, no. 6, p. 314. (In Russ.)

4. Dzhanshiev G. A. *Collection of articles*. Ed. by V. P. Obninskiy. Moscow, 1914. 520 p. (In Russ.)
5. К. П. *Pobedonostsev and his correspondents: letters and notes*. Ed. by M. N. Pokrovskiy. Vol. 1. Moscow; Petrograd, 1923. 439 p. (In Russ.)
6. Katkov M. N. *Moskovskie Vedomosti digest of progressive articles*. Moscow, 1897—1898. [2], VI. 671 p. (In Russ.)
7. Koni A. F. Opening and closing statements on jury trial with representative nobility under the leadership of senior representatives and court chamber prosecutors December 29—31, 1894. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1895, no. 4, p. 291. (In Russ.)
8. Meshcherskiy V. P. *My memories*. St. Petersburg, 1898. Part. 2. 514 p. (In Russ.)
9. Pobedonostsev K. P. The great falsehood of our time. *Moskovskiy sbornik*, 1896, p. 320. (In Russ.)
10. Rovinskiy D. A. The system of criminal court. *Materials on judicial reform in Russia in 1864*, vol. 17, p. 364. St. Petersburg, 1857. (In Russ.)
11. Timofeev N. P. *Jury trial in Russia. Judicial essays*. Moscow, 1881. 636 p. (In Russ.)
12. Troitskiy N. A. *Russia in XIX century: course of lectures*. Moscow, 1997. 431 p. (In Russ.)
13. Foynitskiy I. Ya. *The court of criminal justice*. 4th ed. Vol. 1. St. Petersburg, 1912. 577 p. (In Russ.)
14. Foynitskiy I. Ya. Jury trial acquittal decisions and measures to reduce them. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovno go prava*, 1879, Book 6. 64 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. А. Жолобова, д.ю.н., доц., заведующая кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Д. В. Курамшин, практикующий юрист ООО «Атом»

Information about the authors

G. A. Zholobova, Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of History of State and Law, Orenburg Institute (Branch), MSAL

D. V. Kuramshin, Practicing Lawyer, Atom LLC

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 02.11.2024

Received 20.04.2024

Accepted 02.11.2024

